

ШаМаШ
БраМиН

16+

ШаМаШ БраМиН

Клоповник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

БраМиН Ш.

Клоповник / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Убита журналистка. В своем блоге девушка разоблачила не одну коррупционную схему в высших эшелонах «сильных мира сего», надежно обеспечив себя мерзкими врагами из «лучших» людей. «Голубые воришки» во власти объявили охоту за ноутбуком журналистки с файлами последнего расследования. В убийстве подозревается знакомый блоггерши – менеджер крупного банка. Их короткое знакомство оказалось тоже не случайным. Даже после смерти девушка не сдаётся и пытается рассказать людям правду. Но золотой телец превращает в товар все – истину, любовь, жизнь и смерть.

Содержание

1.	6
2.	15
3.	19
4.	24
5.	27
6.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В смерть он не верил. Черная дыра пистолетного глушителя, это сон. Это не могло быть действительностью. Хм! Глупо отрицать очевидность перехода в небытие. Просто это должно было случиться не сегодня. И не завтра, а когда-то потом. «Смерть это то, что бывает с другими» – верно подмечено. Несколько грамм металла, вылетают из вороненого ствола, оставляют на лбу красную точку, и сносят заднюю часть черепа. Такое бывает только в кино. И уж точно не может произойти с ним.

Все звуки кафе ушли на задний план. Где-то там далеко, в параллельной вселенной, за соседним столиком о чем-то шепчутся две симпатичные девчонки. Там же, далеко, вырываясь из патрубка кофе машины, хищно свистит пар. Официант, прячась от начальства, тихо разговаривает по мобильному. Все это там. А здесь, сейчас он слышит скрип кожаной перчатки на курке. Слышит, как напрягается металлическая пружина в затворе пистолета. Еще секунда, и он отправится в путь. Рай – это возможность исправить ошибки.

1.

Деревянные панели на стенах кабинета начальника криминальной полиции явно стояли на дежурстве еще с советских времен. То, что они видели и слышали, хватило бы на бесконечную серию детективов. Но сейчас всего лишь одна неуместная, и от этого глупая мысль, засела в голове Кирилла: «Ремонта здесь не было лет тридцать. А как же средства на содержание?!» За последний год, он точно помнил, лично акцептировал в системе платежей, по крайней мере, три банковские транзакции с казначейских счетов полицейского бюджета. Суммы были немалые. В назначении казенно указали: ремонт и содержание.

Кирилл не сомневался, если спросить об сидящего перед ним человека, ответ на неуместный вопрос напросится сам собой: ремонтировали помещение других участков. Но это было не так. Районный участок, где утром очнулся Кирилл, выглядел еще хуже.

– Ну, – услышал он гнусавый голос начальника, – рассказывай!

Молодой человек оторопел. Исчезнувшие воспоминания, до этой секунду, казались ему сугубо личной проблемой. Было странным осознать, что его амнезия, еще кого-то интересовала. Вопрос этого худого мужчины, с огромными мешками под глазами, нешуточно удивил. Кирилл не понимал, о чем его спрашивают.

– Что рассказывать? – совершенно искренне спросил он.

– Ага. Понятно, – с сожалением, констатировал полицейский. Затушив окурок в переполненной пепельнице, крикнул: – Петруха! Зайди!

За спиной задержанного хлопнула дверь. Вошел коренастый мужчина в форме с сержантскими погонами. Он, молча, обошел стул и встал перед Кириллом. Оценивающе посмотрел на молодого человека. Подался мощным торсом вперед и угрожающе навис. В нос Кириллу ударил кислый запах пота. Сержант привычным движением затянул потуже наручники на кистях арестанта. Кирилл сморщился от боли. Металл впился глубоко, и казалось, царапал кости. Кожа на руках побелела.

– Больно, – прокрипел он, инстинктивно прижимая руки к животу.

– Ему больно, товарищ полковник, – сказал крепыш и зло улыбнулся.

– Встать, – заорал начальник, и сам вскочил со своего кресла.

От неожиданности Кирилл вздрогнул. Растерянно посмотрел на Петруху и послушно поднялся. Тут же внушительный кулак сержанта, как огромный булыжник, рассек воздух и ударился об ребра молодого человека. Дыхание свело. Кирилл упал на колени, воруя у спазмов драгоценные глотки воздуха. Боль пришла позже.

– Вспомнил? – участливо спросил полковник.

Крепыш схватил Кирилла за шиворот и посадил на стул. Молодой человек закашлял.

– Не надо, – малодушно простонал он. – Что ... кх, кх... подписать? Я готов ... кх.

Полицейские усмехнулись.

– Другое дело, – обрадовался полковник. – Отведи его в камеру. Пусть подумает.

Браслеты всю дорогу терзали кисти. Кирилла спустились в подвал и долго вели по каким-то коридорам. Сержант растянул наручники только у тяжелой железной двери. Молодой человек осторожно помассировал глубокие полосы на коже. Дверь распахнулась, и он оказался в узкой, длинной камере. Вдоль стен стояла пара потертых двух ярусных нар. Посередине, у высокого узкого окна к полу был привинчен стол. Помещение напоминало старенькое купе поезда. У стола, друг напротив друга, сидели двое. Лысый мужчина с густой бородой. Из-под серой обтягивающей майки, среди обильной растительности проглядывались мышцы с нанесенными на них наколками. Второй: худой небритый дедок в спортивном костюме. Они, коротко, посмотрели на вошедшего, и вернулись к своим нардам.

– Здравствуйте, – громко сказал молодой человек. – Меня зовут Кирилл. Где я могу сесть?

Худой усмехнулся:

– Ты уже сидишь. А присесть можешь на мою толстую жердь, – он обхватил ладонью собственную промежность и мотнул худым тазом в направлении Кирилла.

Молодой человек в нерешительности продолжал топтаться у входа. Он был напуган. В такой ситуации, приличный законопослушный человек с высшим образованием, оказался впервые. Еще вчера он себе представить не мог, что окажется закрытым в одной камере с двумя уголовниками, один из которых активный гомосексуалист. Вчера? Что было вчера. В памяти мелькнула короткая, но яркая вспышка. Громкая электронная музыка, дикий свет, дергающиеся под ритм тела мужчин и женщин. Клуб. Да, определенно вчера он был в клубе.

– Ну? – произнес бородатый, не удостоив Кирилла даже взглядом. – Кто ты?

– Я? – переспросил Кирилл. – Я, Кирилл Паустовский, двадцать восемь лет, не женат.

– Не женат? – усмехнулся худой. – Не замужем, ебта!

На этот раз слова уголовника не возымели преследуемого эффекта. Кирилла накрыла неожиданная волна радости. Радости за то, что информация о себе никуда из мозга не делась. Данные есть. Данные о том, кто он. Кем он был, и кто он есть. О том, что с ним происходило все эти двадцать восемь лет жизни. Все, кроме вчерашнего дня.

– погоди, Гендос, – обратился к коллеге бородатый. – Пацан, вроде, правильный. Ну, Кирилл, и кто ты по жизни?

– Финансист, – честно ответил Кирилл. – Работаю в банке.

– В банке? – оживился худой. – Банк это хорошо.

– погоди, – снова осадил его бородатый, но Кирилл уже пожалел о сказанном. – А к нам, на хату какими ветрами?

– Не знаю, – искренне ответил молодой, – ни за что.

– Ага. Здесь нету виноватых. Целочки собрались, – прокомментировал худой. – Баклань, давай. Сколько у банка стырил?

– Да погоди ты, Гендос. Пылишь как трактор в поле, – возмутился бородатый, и обратился к Кириллу. – Проходи, садись.

Молодой человек неуверенно шагнул к столу и сел рядом с бородачом. Для свои двадцати восьми Кирилл был полноват. Лишними были килограмм десять. Он пытался бороться с этой проблемой. Приобрел по акции годовой абонемент в фитнес клуб. Но посещал его не часто. Оправдание тривиально. Так оправдывается любой карьерист – много времени уделяю работе! Действительно, Кирилл проводил за компьютером по четырнадцать часов в сутки. И не только потому, что бредил продвижением по службе. Он любил свою работу. А начальство поощряла его честолюбие. В самом крупном банке страны он занимал, не высокую, но ответственную должность: старший менеджер по мониторингу безналичных платежей. Вот уже два года Кирилл Паустовский дотошно и многосторонне анализировал абсолютно все трансферты со счетов и на счета банка. Это требовало внимания и времени. А сидячий образ жизни добавлял вес, превращая мышцы в рыхлую жирную массу.

– Ну, – сказал бородач, кидая кости на доску с шашками, – говори. Чем сможем, поможем.

– Я реально не знаю, – Кирилл посмотрел на собеседника откровенными, карими глазами, приложив руку к груди. – Вчера, – начал он и тут же замолчал. Рука безвольно опустилась, – не помню ни черта. Очнулся утром в обезьяннике. Оттуда сюда привезли. Все.

– А что помнишь? – спросил лысый, придвигая по полю шашки.

– Вчера? – переспросил Кирилл, задумавшись.

Прилагаемые усилия выразились в двух глубоких морщинах на переносице. Наконец, он неуверенно заговорил:

– Работа, потом дом и ... Матвей! Точно!

От неожиданного озарения по лицу пробежала волна еле уловимой радости. Но тут же сменилась глубокой задумчивостью. Совершенно верно, к нему в гости приехал друг детства Матвей. Он напряжения голова разболелась с новой силой. Во время общения с Петрухой в кабинете начальника криминальной полиции, головная боль, мучавшая его с утра, переместилась в ребра. Теперь же, обрушившись с новой силой, вернулась в череп.

– Да, – сказал он вслух. – Ко мне приехал друг из Америки. Друг детства – Матвей Порчелян. Программист. Живет в Чикаго. Уехал по контракту. Я его с детского сада знаю. Здесь у него никого нет. Да, да ...

Морщины над переносицей снова углубились. В помутненной памяти череда событий понемногу стала всплывать.

– Мы с ним в клуб собирались. Да, да, точно.

На этом больной мозг исчерпал возможности. Темнота неведения снова накрыла события вчерашнего дня. Молодой человек замолчал, нервно массируя виски раскалывающейся головы.

– Не помню, – простонал он.

– Если клуб, то точно наркота, – безразлично прокомментировал худой, болтая в ладони кубики с точками. – За наркоту тебя приняли, как пить дать.

Занавес в голове Кирилла приподнялся, но тут, же плюхнулся обратно.

– Или телки, – подсказал лысый. – Все беды по жизни от баб! Вспоминай. Иначе пойдешь глухим паровозом.

Кирилл напрягся, почти физически ощущая, как шелестят серые мозговые клетки. Ничего не приходило. Шум громкой музыки, вспышки света, улыбающиеся полупьяные лица. Матвей? Да, да.

– Эй, сюда подойди! – кричит он официантке в форменной белой блузке с глубоким вырезом и короткой юбке. – Шевели булками!

– Где твои манеры, Мотя! – делает ему замечания Кирилл. Ему неловко. Будь они вдвоем

...

Да! Точно. С ними была девушка. Он не помнит ее ... Но, ему очень неловко перед ней.

– Манеры?! Какие манеры? Это просто сиськи ... – Матвей ржет. – Наконец! – говорит он симпатичной официантке, голубоглазой брюнетки со стянутыми в конский хвост волосами. – Текилы принеси. Пузырь. Ну и все что надо, лимон, соль. Ты в курсе?

– Ага, – официантка добродушно кивает.

– И живо, пока я добрый, – торопит ее Матвей.

В попытке сгладить хамство приятеля, Кирилл кричит ей вслед:

– Спасибо!

Официантка скрылась в танцующей толпе. Матвей обвел ладонями голову.

– Уф! Понеслась!

Его длинные волосы собраны на макушке в нелепый хвостик. Виски и затылок выбриты. Синие глаза блестят, пухлые губы растянуты в улыбке.

– Это так, для разогрева, – в предвкушении праздника он потирает ладони.

– Ты не подумай, он не алкаш, – оправдывается Кирилл, пытаясь перекричать громкую музыку. – Просто в Америке ему не до этого. Здесь он оттягивается.

Он произносит это кому-то прямо в ухо. Нет, в ушко. Пряный, немного терпкий запах духов. Кружится голова.

– Где же мы пили? – произносит он вслух, переносясь в реальность тюремной камеры.

– Чего? – переспрашивает худой.

– А? – Кирилл растерянно посмотрел на человека напротив, с немалым усилием фокусируя на нем взгляд.

– На! – выкрикивает дедок, отвлекшись на секунду от передвижения шашек. – Че ты там гундосишь?

– Там была девушка. Я точно помню, – проговорил непослушным языком молодой человек.

– Ну вот ... – начал бородач, но худой его перебил.

– Оттарабунькали и не забашляли, – хихикнул он. – Дело – кизяк.

– Нет, – простонал Кирилл.

Перед мысленным взором всплыло что-то теплое. Он не мог видеть, но чувствовал эту теплоту. На каком-то клеточном уровне. Всем телом. В детстве маленький Кирюша так же чувствовал теплоту старой бабушкиной печки в деревенском доме. После резвых, промозглых гонок на санках с огромного холма, когда замерзало все, даже сопли в носу, он возвращался в дом, где все было пронизано теплом и лаской. Тогда мальчик и чувствовал, как благодать дышит этим теплом. Дышит на его покрытое снегом и льдом пальтишко, на румяное, замерзшее лицо, на окоченелые пальцы под промокшими варежками.

Схожие ощущения, как призраки, материализовались сейчас, в этой узкой, провонявшей камере. Но знакомое тепло перемешалось с чем-то еще, с другим чувством. Он пока не понимал, с каким именно. Оно трепыхалось в груди странным, вождленным стоном. «С нами была девушка. Точно» – заело в голове. Вдруг в сознании, как в кинотеатре, зажегся экран. Робко, словно стесняясь, проявилось незнакомое, но почему-то родное лицо. Веселые, внимательные глаза, дымно серого цвета, милые округлые щеки с аккуратными ямочками, влажные губы под немного вздернутым, гордым носиком. И еще. То, что по-настоящему завлекло и заперло внимание Кирилла – мальчишеская, или почти мальчишеская прическа. Коротко остриженные русые волосы. Длинная пчелка тщательно зачесана и уложенная назад. «Прическа Гавроша!» – почему-то подумал Кирилл. Что там делала девушка?

– Э нет, я не по алкашке, – слышит Кирилл ее немного грубоватый, и от этого безумно сексуальный голос.

Этот голос опять возвращает его в камеру. Вслух он говорит:

– Нет, у нас ничего не было. Сто пудов.

– Че? Не встал? – противно хихикает худой.

Кирилл смотрит на него непонимающими глазами. Лысый безразлично болтает в огромной ладони два кубика.

– Ну и че? Психанул? Отхерачил пацанку?

– Нет, нет. Что вы? Я ее пальцем не тронул, – от одной мысли о том, что он мог бы навредить этой... этой красоте, Кириллу снова свело мозг. Но ... Полной уверенности нет. И не может быть. Черт! Он не помнит!

– Пальцем может и не тронул, – загоготал худой, и неожиданно громко вскрикнул. – Хрясь! Тесаком под ребра?!

В голове замелькал калейдоскоп коротких ужасающих вспышек. Каждый образ вызывал удар кровавого потока об виски больной головы. словно неведомый палач стучал кувалдой по черепу, показывая после каждого удара очередную кошмарную фотографию. Но делал он это так быстро, что Кирилл не успевал ничего разглядеть. Когда экзекуция закончилась, ему показалось, что он теряет сознание. Наверно, так оно и было. Пришел в себя на полу.

– Эй, доходяга, – худой не сильно бил его по щекам, – ты че скопытиться решил? Не, так не пойдет!

– Я нормально, нормально, – Кирилл с усилием поднялся и сел на нары.

– Так может дружок твой? – как ни в чем не бывало, спросил лысый. – Того, – он провел большим пальцем по горлу, – а тебя в камеру.

Кирилл смотрел на него с непониманием:

– Того? – не мог он понять, что именно хотел выразить зек. – Кто? Матвей?

До него дошло.

– Ее убили? – спросил он. Ужас в голосе косичкой переплелся с недоумением. – Убили?

Ретроспективное зрение, показало несколько фотографий безумного палача. Девушка с прической Гаврош лежит на асфальте. Ее глаза открыты и безмятежно смотрят в утреннее небо. Рубашка в крупную красную клетку расстегнута, и из-под нее видна футболка с лейблом Роллингов: алые губы и высунутый язык. Они почему-то утопают в красной трясине. Кирилл это смешит. Сдерживая хохот, он пытается представить, как бы выглядела девушка с длинными волосами. Почему же ему так легко и весело? Кирилл окунает палицы в багровую массу и старательно пририсовывает волосы на асфальте вокруг головы. Он безостановочно хохочет. Дорисованное больше напоминает нимб. Но нимб отчего-то получился алым. Кирилл ни как не может понять почему. Он снова и снова макает ладони в лужу у неподвижного тела и размазывает жидкость вокруг ее головы. Получается красиво и ему становится еще ... еще счастливее. Что-то смущает его в творении. Но молодому человеку не хочется об этом думать. Любовь и эйфория прет из его сущности как бурьян на автобане. Что же его смущает?

«То, что она мертва!» – приходит запоздалая мысль. Догадка тяжелым молотом разбивает зеркало воспоминаний. В необъяснимом порыве, Кирилл кинулся на лысого. С силой безумца схватил его обеими руками за обтягивающую волосатую грудь майку и трясет.

– Нет, – вопил истерично Кирилл. – Нет! Это не я!

Лысый без особых усилий брезгливо обхватил ладонью лицо молодого человека и беззлбно оттолкнул его к стене.

– Откуда я знаю, – сказал он. – Ты расклад давай. Будем посмотреть, что следаку заливать.

– Я не помню, не помню...

Кирилл обхватил голову руками, сжался под стеной в комок и затрясся всем телом. Дедок в секунду оказался над ним и заорал прямо в ухо:

– Сука, ты ее вальнул? Ты знаешь, что с такими делают?

Молодой человек продолжал сидеть, тихо про себя повторяя «Нет, я не мог! Я не мог!».

– Сука, – орал злобный старикашка, засунув большие пальцы под пояс растянутых тренировочных штанов. – До этапа опустим. Разминай очко, жирный! Борода, держи его!

Лысый даже не шелохнулся. Он изучающее смотрел на молодого человека. Кирилл же пребывал далеко в своих мыслях, продолжая отрицать очевидное: она мертва!

Коротко переглянувшись с напарником, худой дедок прекратил представление, забыв о возбуждении, и ровным шагом подошел к дверям камеры. На его стук дверь отворилась мгновенно. На пороге стоял начальник криминальной полиции.

– Он ничего не помнит, – сказал ему худой. – Да и не похож он на мокрушника. Даже под аффектом.

Полковник посмотрел на лысого. Вместо ответа тот медленно кивнул головой, подтверждая слова худого.

На этот раз, кабинет начальника показался Кириллу еще уродливее. За часы, пребывая в камере один на один со своими мыслями, мозг перестал подчиняться. И, наконец, Кириллу на пару часов удалось уснуть, тревожным гнетущим сном. Этого было достаточно. Голова болела не так сильно, а глаза понемногу начинали видеть все в обычном свете. Например, сейчас он разглядел толстый слой пыли в щелях между декоративными пластинами из дуба на стенах кабинета. Большинство из них были перепаханы глубокими царапинами и поверхность облезлого лака напоминало покрытое шрамами и оспинами лицо.

– Вы его удерживаете незаконно, – говорил полковнику импозантный мужчина в дорогом костюме. – У вас ничего нет против моего подзащитного. Жертва была убита выстрелом из огнестрельного оружия. У подзащитного не нашли ни оружия, ни следов пороха на пальцах, ни ...

– Угу, – угрюмо прохрипел полицейский, – только кровь на руках, да труп под ногами.

– ... следов насилия. Мотивы также отсутствуют, – упрямо продолжал адвокат. – Я уже молчу про процессуальные нарушения. Ваши жесткие действия, как минимум, не уместны.

Полковник без смущения его снова перебил:

– Послушай ты! – он наклонился через стол. Казалось, еще немного и он кинется на мужчину. – Убита девушка. Жестоко убита. А твой дружок стоял над трупом и измывался. По-твоему это уместно и не подозрительно?

Адвокат не обратил внимания на агрессивный выпад собеседника. Он спокойным, монотонным голосом лектора продолжил:

– Экспертиза указала, господин Паустовский был в невменяемом состоянии ...

– Он был в дюбель обдолбан. Чем ширялся? Отвечай? – привстав с кресла, заорал он на Кирилла.

– Попрошу соблюдать права задержанного. Хотя бы в моем присутствии, – также монотонно проговорил адвокат, – тем более, никакого обвинения вы так и не выдвинули. Даже наркотиков или сопротивление при аресте не присобачили.

Полковник плюхнулся на место. Раздраженно выдернул сигарету из пачки на столе.

– Ладно, – сказал он прикуривая. – Ждите в коридоре.

Мужчины вышли. В длинном пошарпаном коридоре управления стоял неприятный запах прорвавшей канализации. Устроившись на деревянной лавке, привинченной болтами к полу, адвокат спросил:

– Били?

Кирилл покачал головой.

– Жалобу писать будем?

Кирилл снова отрицательно качнул больной башкой.

– Смотри, – сказал адвокат, – мне платит твой работодатель. Так что есть возможность оторваться.

Кирилл продолжал смотреть в пол, уперев локти в колени. Помятые и грязные брюки можно было выбросить. Впрочем, и сорочку. Пиджак, наверно, он потерял еще утром, у мусорных баков.

– Что ты успел наболтать? – спросил адвокат.

Вопрос удивил Кирилла. Даже ни столько вопрос, сколько тон, которым он был задан.

– Кому?

– Им, – уточнил мужчина, кивнув в сторону дверей начальства.

В конце коридора появился высокий мужчина с черной папкой в руке. Он многозначительно посмотрел на ожидающих, и прошел в кабинет.

– О, – прошептал адвокат, – результаты экспертизы готовы.

Кирилл равнодушно разглядывал свои ботинки. Голова по-прежнему болела и отказывалась работать.

– Ты знал убитую? – шепотом спросил адвокат.

Кирилл отпустил руки и внимательно посмотрел на адвоката. В сознании молодого человека снова всплыло улыбающееся лицо незнакомки. «Незнакомки? – думал Кирилл. – Я ее знаю. Знал!»

– Нет, – сказал он вслух подавленным голосом. – Я ничего не помню ...

– Окай, – адвокат повернулся к собеседнику и, пристально глядя на него, спросил. – Расскажи, что помнишь?

Кирилл задумчиво помассировал указательными пальцами виски и неуверенно начал.

– Накануне я встретил в аэропорту Матвея ...

– Секундочку, – перебил его мужчина, – Матвея Порчеляна?

– Да, – кивнул Кирилл, – он мой одноклассник и друг детства. Сейчас работает в Чикаго

...

– Я в курсе. Продолжай.

– Ну, да, – молодой человек вздохнул. Слюна наждачкой царапнула пересохшее горло. – Он, когда прилетает, обычно сразу ко мне. Ну, мы приехали ... Отметим ...

– Что вы пили? – спросил мужчина.

– Пили? Какая разница? – от одной мысли об алкоголе Кирилла замутило.

– Большая, – пояснил адвокат. – Вы были в невменяемом состоянии. Надо понять, кто вас ... ну, скажем, напоил. Или отравил?

– Отравил? – вопрос-предположение насторожил молодого человека. В трудно думающей голове не могло уложиться столько информации.

– Я образно, – поспешил его успокоить адвокат. – Так, Кирилл Иванович, давайте договоримся. Вы мне рассказываете все. Абсолютно все. Иначе я вам не смогу помочь.

– Мне нечего скрывать ...

– Секундочку, – снова перебил его мужчина. – Вас задержали во дворе, у мусорных контейнеров, с трупом на руках. Первичный анализ крови указал на содержание огромного количества, эээ, – он открыл папку и некоторое время искал нужную информацию, – бензодиазепина, – он вел указательным пальцем по строке из документа, – действующее вещество препарата Регипнол. Это о чем-то вам говорит?

Адвокат поднял глаза на подопечного и выдержал долгую паузу. Кирилл продолжал массировать виски.

– Кирилл Иванович, – продолжил юрист, – повторяю, в ваших интересах ...

– Можете не продолжать, я понимаю.

Усилие, приложенные воспаленной черепушкой, вызвали новые обрывки воспоминаний. Они с напором лавины хлынули в, еще не оправившийся, мозг. Громкая музыка, вспышки света, веселящиеся люди. Серые глаза напротив хитро прищурились.

– Я мимо, – говорит обладательница «Гавроша». – Синьку с зеленкой не путаю.

– О, – радуется Матвей. – Свои люди в Голливуде. Есть чё?

– Колеса, – отвечает девушка.

– Хорошие? – спрашивает приятель.

– Сам зацени. Или жым жым? – отвечает она и выкладывает на ладонь несколько желтых таблеток.

Матвей берет две и закидывает себе в рот. Девушка смотрит на Кирилла. От ее взгляда ему становится не по себе. Она ему нравится, и нельзя, ни в коем случае нельзя ударить лицом в грязь. Кирилл берет две таблетки.

– Э, нет, крепьш, – говорит она. – Хочешь догнаться бери три. Не переводит продукт.

Молодой человек не раздумывает. Берет три пилюли, уверенно кладет в рот и выпивает рюмку текилы.

– Ууу, понеслась, – кричит он и встает, размахивая руками в такт ритмичной музыки.

Девушка дико визжит и присоединяется к бешеным пляскам.

– Да, – сознание возвращает Кирилла к неприятной беседе с адвокатом. – Мы ... нет ... я выпил несколько таблеток. Не знаю каких.

Мужчина снова заглянул в папку:

– Регипнол.

– Может, – соглашается молодой человек.

– Кто вам их дал? – вкрадчиво спрашивает юрист, но Кирилл не успевает ответить.

Передними вырастает высокая фигура мужчины в тесном пиджаке, того самого, кто минутой ранее зашел в кабинет полковника.

– Пройдемте в кабинет, – сказал незнакомец писклявым голосочком кастрата.

Полковник сидел на своем рабочем месте, нахлобучив на кончик носа очки. В тонких и длинных пальцах он держал лист. Судя по гербовому колонтитулу, официальный документ.

– Присаживайтесь, – гаркнул он недружелюбным тоном. – Итак. Гражданин Паустовский Кирилл Иванович. В настоящий момент, вы являетесь свидетелем в деле убийства гражданки Шинской Натальи Дмитриевны.

«Наташа! – озарило Кирилла. Он не слушал следователя. Всплывшие в памяти события снова украла его внимание. – Точно, ее звали Наташа. Как же я мог забыть?»

– Молодые люди, – произнес за спиной глубокий женский голос. В торжественности тона было больше сарказма, чем всего остального. – Не пропустите меня вперед? У меня только вода и чипсы.

По дороге из аэропорта друзья заехал в супермаркет. Приезд друга следовало отметить, а в холостяцкой квартире Кирилла шаром покати. Набрал в тележку выпивки и закусок, они терпеливо ждали в ряду касс пятничной очереди.

Кирилл оглянулся на голос и его дыхание замерло. На него смотрела пара чарующих серых глаз. В них было столько же сарказма и иронии, сколько и в голосе. Волшебные ямочки на щеках, хулиганская прическа, и скупая улыбка разбойницы отняли у него дар речи. Если в этой жизни и бывает любовь с первого взгляда, то наверняка случается она в супермаркетовских очередях, в пятничные часы пик.

– Само собой, – пришел на выручку Матвей, галантно отодвинув тележку.

Девушка прошла вперед, посчитав что, еще один взгляд, брошенный на молодых джентльменов, будет излишеством. Матвей многозначительно подмигнул Кириллу. Тот лишь растерянно покачал головой.

– Слабовато для пятницы, – сказал девушке Матвей. – Может, к нам присоединитесь?

Не оборачиваясь, девушка отрезала:

– Спасибо. У меня дела.

– Какие могут быть дела в пятницу вечером? – настаивал Матвей. – Бог создал пятницу для тусы.

– Тусы? – хохотнула девушка. – Мэн, ты из девяностых упал?

– Не понял? – удивился Матвей.

– Тусили в ДК, на дискотэках, – девушка посмотрела на него насмешливым, но не злым взглядом.

– Таки он из девяностых, – решил вступить в разговор Кирилл. – Он уехал много лет назад, сейчас вернулся.

Серые глаза изучающее скользнули по лицу Кирилла. Ее улыбка на долю секунды исчезла, а взгляд чуть больше положенного, остановились на его карих глазах. «Подобный интерес, – мелькнула в голове Кирилла, – означать одно: презрение» У молодого человека защемило в груди. Инстинкты не обманешь: презрение – наигранная, защитная реакция любой уважающей себя женщины на скрываемый интерес к объекту.

– А, – многозначительно произнесла она. – Ну, ну. Удачи на тусе.

«Как я мог это забыть?» – снова и снова ругал себя Кирилл. Всплывающие образы становились яркими и живыми. Живыми ...

– Эй, парень, ты меня слышишь? – голос полицейского начальника звучал требовательно.

– Все в порядке, – ответил за подопечного адвокат. – Кирилл, ты хочешь выйти отсюда? Сейчас?

– Да, да, конечно, – взял себя в руки молодой человек. – Простите.

Полковник протянул ему лист бумаги.

– Подпиши, – приказал он, – и катись отсюда.

– Секундочку, – вмешался адвокат, перехватив листок. – Разрешите ознакомиться?

– Слушай, – раздраженно выговорил полицейский, не отпуская из рук документ. – Как тебя там?

– Настьев. Игорь Николаевич, – терпеливо ответил адвокат, – я представлялся десять минут назад. Моя доверенность у вас на столе.

– Да насрать, – выругался начальник. – Со следователем играйтесь в доверенности, права человека и что там еще. Мое дело убийцу поймать. Короче, это подписка о невыезде. Подписывай и топай. Жди, пока следователь вызовет.

– Тем не менее, – настаивал адвокат. Он терял терпение. Это было заметно по его усам. Волосы над верхней губой вздыбились и стали похожи на ежик с его же головы.

Полковник отпустил лист, встал со стула и прошел к окну.

– Все в порядке, – сказал через минуту адвокат, – можете подписывать. Господин полковник, а результаты экспертизы я могу получить.

Настьев покосился на документы, лежащие перед креслом начальника. Полковник их предусмотрительно перевернул текстом вниз.

– У следователя. Все вопросы к нему, – не оборачиваясь, сказал полицейский.

2.

Константин Васильевич раздраженно кинул кепку на соседнее пассажирское кресло. Такой бездарно проведенной операции он вспомнить не мог. Как бы ни напрягал память. Их просто никогда не было. За всю карьеру такой провал случился впервые. «Старею!» – эта была первая мысль, пришедшая ему в голову после звонка Свечинского. Ровно десять минут назад зазвонил телефон. Подчеркнуто спокойный голос произнес:

– Кизяк, Костик. Кто исполнял?

– Ваш. Из новеньких, – коротко ответил Проворный, почувствовав неладное.

– Наследил. Исправь. И не тяни. Волна пошла.

– Принято, – Константин Васильевич сунул трубку в карман легкого, спортивного пиджака.

Подумав несколько секунд, он подошел к спрятанному в вещевом шкафу сейфу, ввел код и открыл дверцу. Достал штатный ПМ, два запасных магазина. Без оружия из дома он не выходил. Без ствола Константин чувствовал себя голым, несмотря на то, что с годами тренировок он сам, его тело, стало оружием опаснее, чем пистолет. Многолетняя привычка носить, как минимум, одну пушку впилося в его сознание как синоним выживания. А выживание стало его работой. Даже в уютном офисе с маленькой и не плохо подготовленной армией помощников, главной задачей было и оставалось сохранение собственной шкуры. «Выживешь, считай победил!» – так говорил инструктор в учебке. А заказчики, так Проворный называл толстосумов, на которых работал, со своими драгоценными капиталами, интересами и амбициями, оставались и остаются второстепенными. Естественно, они об этом не знали. Но, с другой стороны – Воппе репомтее. Репутация. Заказчики платили ему не только за собственную безопасность, но и за спокойствие. Провальная операция успела стать пятном, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы оно разрасталось. Да, Проворный, мог свалить провал на шефа. Исполнителя навязал босс, как молодого и перспективного. И Проворный обязательно ткнет этим кизяком в проноуханный нос шефа. Но сделает он это позже, после того как сам все исправит.

Мужчина завел мотор и, по привычке вслушиваясь в размеренное урчание мотора, набрал номер на экране смартфона.

– Ало, Климов. У тебя опять пьяные сторожа на объекте. Что за херня? – сердито процедил он.

– Никак нет, Константин Васильевич, – начал перепуганный заместитель. Внушать шок и трепет в подчиненным одним лишь тоном, было излюбленной фишкой Проворного.

– Как нет, дурашлеп? Откуда ты знаешь? Я даже объект не назвал.

– Ммм, ... ааа.

Проворный нажал на педаль газа, и машина выехала на улицу.

– Молчи! Лучше молчи! И слушай. Стройка на Петровской, Ройал Парк. В центре. Проверь этих уродов! Как следует, а не так, как в прошлый раз. Бери их за шкварки и в диспансер. Что бы справку с анализом крови мне лично показал, понял!

– А объект? – робко спросил Климов.

– Сам посторожу. Я уже на подъезде, – гаркнул Проворный, нажимая отбой.

«Все-таки дураки полезны! – подумал Константин Васильевич. – У каждого есть свое место и предназначение!»

Он набрал следующий номер. Трубку долго не снимали. Мужчина начинал раздражаться. Его рыжие, поредевшие брови медленно сползли к переносице.

– Ало, – наконец пробурчал сонный голос.

– Ты что бухой? – зло спросил Константин Васильевич.

– Есть немного, – признался молодой человек. – Мне сказали, что свободен пару дней.

– И что? Обязательно нажираться? – раздражение мужчины нарастало, и он с этим боролся. Глубоко вдохнул и, ровным голосом, продолжил. – Ладно. На пересечении Петровской и Охотной, в центре, есть стройка. Знаешь?

– Это там где парковку строят?

– Да. Наш объект. Будешь там, через полчаса. Архив надо сжечь. Захвати канистру бензина. Отбой.

Вернув телефон во внутренний карман, Проворный надел на голову кепку и надвинул ее на глаза.

Загнав машину за бетонный забор, так чтобы с улицы не было видно, Константин Васильевич прошел в сторожку. Как и ожидал, дверь оказалась заперта снаружи. На кольцах висел тяжелый замок. «Оперативно!» – подметил он и вернулся к машине. Ворота на стройку он оставил открытыми, чтобы неудачливый исполнитель заехал на территорию, не привлекая внимания случайных прохожих своим ожиданием у заезда.

Минут через пять в ворота влетела служебная Шкода. Естественно автомобиль никакого официального отношения к холдингу, в котором Проворный трудился начальником безопасности, не имел. Машина, как и десяток других, была оформлена на подставное лицо. Быстрее всего на ничего не подозревающего гастарбайтера, усердно вкальвывающему на одной из строек. Каждая такая машина имела по несколько комплектов документов и регистрационных номеров. Причем все проведены по базе данных полиции. Это стоило боссу денег, но в результате проследить их перемещения было очень сложно, даже для официальных спецслужб. Константин Васильевич сам внедрил эту систему, позаимствованную еще со времен работы в конторе. Тогда все было под «колпаком» государства. Сейчас же каждый покупал себе «колпак» сам. Рынок! Ничего не поделаешь.

– Здравствуй! – поздоровался молодой человек, имя которого Проворный не удосужился запомнить. Легкомысленно, но он как чувствовал, что это ему не пригодится.

– Закрой ворота, захвати канистру и иди за мной, – вместо ответа приказал мужчина.

Не дожидаясь, Проворный прошел в недостроенное здание, скрывшись в проеме. Молодой человек лениво свел створки железный ворот, открыл багажник, достал десятилитровую металлическую канистру и зашагал к стройке.

– Как прошло? – спросил Константин Васильевич, когда парень вошел в дверь и пошел за ним вниз по покатой дорожке недостроенной парковки.

– Нормально, – безразлично ответил молодой человек и замолчал.

– Мне нужны подробности, – напряженным голосом потребовал мужчина.

– Ну, – после недолгой паузы начал парень, – дождался пока выйдет из квартиры и ...

Две маслины в грудак.

– Ствол где?

– С собой, – ответил молодой человек с нескрываемыми нотками гордости в голосе.

– С собой? – удивленно переспросил Константин Васильевич, и, взяв себя в руки, добавил, – Дай сюда.

Парень на ходу перекинул в левую руку тяжелую канистру, достал из кобуры ПМ и передал его Проворному. Мужчина проверил магазин. Оставалось четыре патрона. Затем передернул затвор.

– Свидетели? – спросил мужчина, не сбавляя шаг.

Они почти добрались до нижнего уровня. Дневной свет сюда не проникал. Но Константин Васильевич знал, на средней бетонной опоре установлен рубильник. Переключив его, он зажег гирлянду из трех ламп, по одной на каждый пролет. Этого оказалось достаточно, чтобы различать дальнейший спуск.

– Да был там один бухарь. В клубе подцепила. Они-то в принципе до утра у него и бухали. Этот придурок помешал мне контрольный в голову сделать, – рассказал молодой человек.

– Он тебя видел?

– Видел? Хм, – парень усмехнулся. – Да он в дуст был. Никакой. Нет, я когда увидел как он из подъезда за бабой ломился, сделал все и ушел дворами. Там все чисто, отвечаю.

– Отвечаешь, – задумчиво полупшепотом повторил Константин Васильевич. И немного подумав, спросил. – Дальше что?

– Что? Доложился, и лег на дно. Как было приказано.

– Говорил с кем-то?

– Неа, – парень снова на ходу перекинул канистру в другую руку.

– А бухал с кем? – настаивал Проворный.

– Ни с кем, – усмехнулся боец.

Долгий спуск, тон попугайчика или звериный инстинкт насторожили молодого киллера:

– Так, где бумаги?

– Бумаги? – задумчиво переспросил Проворный.

– Ну да. Что жечь то надо?

«Откуда же берутся такие тупицы? – подумал Константин Васильевич. – Естественный отбор, Дарвин и все такое. А дураки все рождаются и рождаются. Хотя... Корова не виновата, что корова. Пищевую цепочку никакой Дарвин не отменит».

– Архив, – сказал Проворный. – Следующий пролет.

Они оказались в просторном подвале долгостроя. Повсюду на полу валялся строительный мусор. У ближней стены, в тени находилось углубление для промышленного компрессора. Квадратная, забетонированная яма, глубиной не меньше двух метров. В прошлом месяце, на этом объекте, Проворный сопровождал шефа. Строительство затеяли под муниципальный распил. Денег хватило на что хватило, теперь всем народом искали инвестора. Короче, все указывало на то, что проект многоуровневой парковки превратится в долгострой. А пока суть да дело, ЧОП при холдинге взялся сторожить объект, распиливая оставшиеся казенные деньги. Константину Васильевичу сразу приглянулся этот уединенный, глухой подвал.

– Положи здесь канистру, – приказал Проворный. – Архив там, у стены.

Он небрежно махнул в сторону ямы.

– Где? – спросил парень, медленно вступая к углублению.

– Там. Дальше, – Проворный поднял ПМ, взятый у парня несколькими минутами раньше, и направил его в спину молодого человека. С такого расстояния он без сомнений попадет неудачнику прямо в затылок. Надо лишь дождаться, чтобы тот подошел к самому краю углубления. Конечно, оружие не проверенное, но свой ПМ Проворному «светить» не хотелось.

Палец плавно нажал курок. Выстрел колоколом разнесся по пустым помещениям долгостроя. Парень подался вперед и, казалось, нырнул в темную бездну технологического колодца.

Константин Васильевич подошел к яме. Включил фонарик на мобильном телефоне. Оружие он держал наготове. На всякий случай. Как ему подсказывал опыт, случаи бывают разные. Луч света осветил выгнутую спину трупа. Ветровая болоньевая куртка задралась, и целиком накрыла голову убитого. Ноги парня упирались в стену колодца и, при желании, наклонившись, можно было достать до них рукой.

Недолго постояв у края, мужчина спрятал оружие и вернулся за канистрой. Достал из кармана носовой платок, обернул ручку канистры и потащил ее к яме. Поставил у кромки бездны, прямо над трупом и, используя все тот же платок, открыл крышку. Последний раз, взглянув на изогнутое тело, не сильно пнул канистру ногой. Она упала на бок и из нее, на труп, полился бензин. Дождавшись пока вытечет все содержимое, Константин Васильевич еще раз ногой подтолкнул канистру и та, с шумом, отправилась на дно ямы. Чиркнул спичкой о коробок. Помещение подвала наполнилось запахом горелого мяса, перебивающим все остальные запахи затхлости, сырости и лежалой извести.

Огонь уничтожит основное. Через пару месяцев крысы доделают дело начатое пламенем. Ближайший год сюда точно никто не спустится. Даже если случится чудо и нерасторопные чиновники из мэрии все-таки найдут деньги или инвесторов, на согласование, оформление и прочие формальности уйдет достаточно времени, что бы от безыменного идиота остались только фрагменты. Да и черт с ним.

Поднимаясь наверх, Проворный размышлял о своих дальнейших действиях. Необходимо решить и свидетеля. С этим могут возникнуть трудности. Служба и опыт научили Константина Васильевича, думать и решать быстро.

– Ало, – сказал он в трубку. – Нужна инфа по убитой журналистке.

– Ты что обалдел мне по телефону звонить? – заочевячился собеседник на том конце провода.

– Короче, – прошипел он вместо ответа. – Времени нет.

– Заезжай через часик ко мне в управление ...

– Пять минут, – перебил его Проворный. – Жду звонка.

– Что? – возмутился оскорбленный полицейский.

– Через плечо, – он реально начинал злить Константина Васильевича. – Пять минут.

Прошло несколько минут. В кармане пиджака задребезжал телефон, как раз когда Проворный сидел за рулем «служебной» Шкоды, отгоняя ее на парковку соседнего двора.

– Слушаю, – буркнул он.

– Шинская Наталья, 88 года. Труп обнаружили сегодня, в 6-45 на Долгой, 5. Огнестрел.

– Подозреваемые?

– Да, – в трубке повисла пауза. По всей видимости, полицейский искал данные в сводках донесений. – Некий Паустовский Кирилл, 90 года. Задержан на месте ... Что? – слышался смешок. – Когда приехала группа, этот придурок размазывал по асфальту кровь этой телки. Надо же.

– Кто такой? – Проворный вернул диалог в нужное русло.

– ПродСельСтройБанка. Менеджер. Не женат. Прописан ...

– ПродСельСтройБанк? – переспросил мужчина.

– Да. Менеджер какого-то там отдела.

«Везет!» – обрадовался про себя Константин Васильевич.

– Куда доставили?

– Ботаническое отделение. Второе? Да, второе. Погоди, – снова недолгая пауза.

На заднем фоне, в трубке, слышался казенный голос. Информатор в погонах получал свежие данные.

– Его сейчас везут к нам, в управу. Сам палкан к себе потребовал.

– Отбой, – закончил разговор Проворный и тут же стал набирать другой номер.

Неспешным, но уверенным шагом он возвращался на стройку, за своей машиной. Стояло теплое утро. Солнечные лучи робко пробивались через молодую листву на оживших деревьях. Проворный шагал по аллее, стараясь наступать только на пятна света.

– Что у тебя? – прохрипел в динамике голос шефа.

– Свидетель. Сейчас в управе. Паустовский Кирилл. Работает в нашем банке. Надо вытащить. Позже решим, что с ним делать.

– Будь на связи, – сказал Свечинский своим обычным немного писклявым голосом.

Константин Васильевич снова принялся набирать номер. Через пару секунд он услышал голос своего заместителя.

– Пришли кого-то на стройку парковки в центре. У меня времени больше нет сторожить.

– Есть.

– И, это... Двести семьдесят четвертую машину заберите. Почистите как следует. Двор на Петровской, 11.

3.

Светлая больничная палата не ассоциировалась с детскими воспоминаниями Кирилла. Он лежал в стационаре второй раз в жизни. Первый был в двенадцать лет, когда его свалил гепатит. Сейчас, как и тогда, трубка капельницы также торчала из руки, и больной уныло глядел то в потолок, то на стены, то в белое пятно оконного проема. На этом, пожалуй, сходство терзающих ощущений заканчивались. Приятный запах бризера вместо тяжелого зловония хлорки, медикаментов и еды. Свежие стены в жизнерадостных узорах вместо облупленной краски. И главное, напротив него, на стене висел тридцати восьмидюймовый плоскоэкранный телевизор. Он был выключен. Врач прописал полный покой.

Сейчас Кирилл чувствовал себя значительно лучше. Из полицейского управления, адвокат отвез его прямо в клинику. Частная больница специализировалась на отравлениях и интоксикациях. Возможно, врачи здесь лечили и другие болезни, Кирилл об этом не знал. Но пару раз его друг, тот самый Матвей, после тяжелых пьянок, прокапывался именно здесь. В Америке сильно не загуляешь, а на родине отрывался по полной. Быстро и много, чтобы все успеть. И судя по улучшающемуся состоянию Кирилла, в клинике знали свое дело. Молодой человек еще час назад готов был ехать домой, но врачи решили оставить его под наблюдением. Их беспокоила амнезия пациента, то, что у Кирилла «выпала» большая часть вчерашнего вечера. А ночь и утро стерлись напрочь.

– Пока я не вижу повода для беспокойства, – заявил улыбчивый доктор, пряча в нагрудный карман халата резиновый молоточек. – Конечно же, нельзя исключать транзиторную амнезию. Но я думаю, что имеем дело с банальной *Vibitor Amnesia*. Будем наблюдать.

Латынь диагноза Кирилла не напугала. За последние сутки ужасов и так хватило. Лежа на удобной кровати, молодой человек время от времени предпринимал тщетные попытки восстановить череду событий. Воспоминания то вспыхивали, то угасали, как тлеющие угольки предрасветного костра. Все-таки, мало по малу, память возвращалась. Пока лишь общими штрихами, не четко. В деталях он помнил далеко не все.

Выходя из супермаркета, Кирилл и Матвей нагнали девушку. Она покупала кофе в автомате.

– Можно я тебя угощу? – галантно предложил Кирилл.

– Поздно, – ответила девушка, коротко посмотрев на парней. – Он уже съел деньги.

Аппарат действительно успел прожевать купюру и выплюнуть пустой стаканчик. Вовсю шумел. Напиток готовился.

– Лучше огоньком угости, – продолжила она. – Я зажигалку не купила.

С трудно скрываемой досадой молодые люди переглянулись. Проблема была в том, что ни Кирилл, ни Матвей не курили. Конечно, если это можно назвать проблемой.

– Само собой, – придумал Кирилл. – В машине прикуриватель есть.

– Только не говорите, что вы не курите? – девушка пристально посмотрела на них, и серый цвет ее глаз стал разочарованно осуждающим.

– Разве здоровый образ жизни это плохо? – поинтересовался Кирилл.

– Нет, – девушка пожала плечами. – Наверно хорошо. В принципе мне все равно. Только чисто с правильными пацанами скучно.

Она скривила гримасу блюющего желчью человека.

– Женская логика, – загоготал Матвей. – Я вот не курю, например, но и на скуку в моем обществе никто не жаловался.

– На тусах? – съязвила обладательница Гавроша, и улыбнулась.

– Нет, я серьезно, – Матвей пропустил шпильку мимо ушей. – В чем связь?

Кофе-аппарат произнес нежным женским голосом: «Ваш кофе готов» Девушка перекинула через голову широкую лямку сумки-рюкзака и достала из углубления стаканчик.

– Ни в чем, – девушка направилась к выходу. – Проблема не в том чтобы жить по общепринятым правилам, а в том, чтобы не навязывать эти правила другим. Ты следишь за женской логикой?

Она коротко посмотрела на Матвея. Серые глаза продолжали излучать осуждение, но сдержанная улыбка на губах снимала напряжение в диалоге. Парни послушно брели за ней, как крысы за дудочкой Нильса.

– В чем разница между активистом ЗОЖ, свидетелем Иеговы и бабушками на лавочке у подъезда? Ни в чём. Они настолько уверены в своей правоте, что с ними не интересно.

Кирилл открыл пассажирскую дверь старенькой Хонды и нажал на прикуриватель.

– На самом деле все просто, – равнодушно продолжала девушка, доставая сигарету. – Мне не интересны отформатированные люди. Навязанные рамки убивают любое проявление творчества.

Молодой человек поднес к ее сигарете туб с раскаленной спиралью. Она прикурила:

– Спасибо, – в серых глазах, теребящих сердце Кирилла, мелькнула кротость. Одна из тех девичьих заготовок, которые стопроцентно покоряют любого мужчину. – Но, к сожалению, общество форматирует и сам процесс созидание. Муза перековывается в креатив.

– Дай мне сигарету! – вырвалось у Кирилла. – Я закурю, и вырвусь из долбанного формата. Fuck the sistem!

Молодые люди засмеялись. Немного позже, когда наполовину докуренная сигарета угодила в стаканчик из-под кофе, общение стало свободным, как между старыми знакомыми. Когда разгоревшийся было разговор, уперся в неловкую паузу, Матвей спросил:

– Чем же ты все-таки занимаешься?

Хонда медленно продвигалась в пробке на юго-восток. Девушка заняла место на переднем пассажирском сидении, рядом с Кириллом. Матвей, с банкой пива в руках, развалился на заднем.

– Ассистент редактора, – безразлично ответила девушка. – Скучота. Не знаю, о чем думала, поступая на филфак.

– А, – также безразлично кивнул Матвей.

– Что за издание? – с интересом спросил Кирилл.

– «Точка», новостной портал. Да какая разница? Я там ненадолго. Собираюсь валить. Надоело. А ты чем занимаешься?

– Я клерк в банке, – ответил Кирилл. – Матвей програмер.

– И что? Интересно? – спросила девушка, разглядывая в боковое стекло семейный минивэн – собрата по пробке.

– Ну, бывает и интересно. А так, рутина.

– Ага, – сказала Ната, тоном собеседника из вежливости поддерживающего беседу. – Что за банк?

– ПродСельСтройБанка, – с явными нотками гордости ответил Кирилл.

– Знаю, – коротко зевнув, кивнула девушка. – У меня там зарплатная карточка. Крутой банк, хотя я в этом ничего не понимаю.

– Банк крутой. Кстати, клуб, куда мы собирались, обслуживаем тоже мы.

– Да? Мне говорили, «Тесла» принадлежит Свечинскому. Он там рулит.

– «Тесла»? – переспросил Матвей, не будучи в курсе местных заведений.

– Да, – ответил за Натю Кирилл, – это клуб такой.

– Там тусуются, – Ната не упустила очередной шанс подколоть молодого человека.

– Да ладно, – хохотнул Матвей, – хорош прикалываться. Не местный я.

– Угу. Понаехали, – подыграл ему Кирилл. – Ты, Мотя, деревенский, – и обращаясь к Натe, продолжил, с теми же нотками гордостью. – Да «Тесла» под Свечкой, то есть под Свечинским. Скоро весь город под нами будет.

– А, – кивнула девушка. – Круто.

Она глянула на Кирилла тем же кротким девичьим взглядом, с тонким отблеском уважения и гордости. Такие взгляды призваны на три уровня поднимать мужскую самооценку. Он выпрямил спину и расправил плечи. Если бы молодой человек был бы немного внимательнее, он бы разглядел в этом взгляде еле заметную фальшь. Но, молодой человек ничего не видел кроме будоражащих воображения серых глаз.

Сейчас, лежа в палате, эти ясные, магнетизирующие глаза оставались в сознании Кирилла самым ярким из потерянных воспоминаний. Этот кроткий взгляд как зарница, яркой вспышкой всплывала из небытия воспоминаний.

Тяжело вздохнув, он попытался повернуться на бок. Мышцы затекли, и движение далось с усилием. Вдруг Кирилл понял, что не ел почти сутки. Голод, затерянный в буреломе страстей и переживаний, вышел на передний план. В надежде найти что-нибудь съестное он привстал и опустил ноги на пол. Далось ему это на удивление легко. Но встать мешала торчащая из руки трубка капельницы. Кирилл, нажатием кнопки, вызвал медсестру.

– Лежите, лежите! – приказала она, энергично входя в палату. – Вам нельзя вставать.

Кирилл потянулся к штативу для капельницы, рассчитывая все-таки встать на ноги. И ему бы это удалось, но сестра положила ладони ему на плечи и легко надавила.

– Доктор не разрешил вставать. Ложитесь.

– Хорошо, – согласился Кирилл. – Вы не могли бы принести какой-нибудь еды.

– Конечно, – добродушно улыбнулась женщина. – Йогурт и тостер. Диета.

– Угу, – молодой человек продолжал сидеть. – И включите телевизор, пожалуйста.

В выражении лица сестры читалось сомнение. Ничего не сказав, она вышла из палаты. Кирилл расстроился. «Но, – смирившись, подумал он, – все равно, лучше, чем в камере». Молодой человек смиренно улегся на больничную кровать.

Сестра вернулась довольно быстро. На подносе она несла тарелку с двумя ломтиками жаренного хлеба и стакан с белой, тягучей жижей.

– Вот, пожалуйста, – сказала она, пристраивая поднос на больничную кровать.

– Спасибо, – Кирилл мило ей улыбнулся.

Женщина достала из кармана серый пластиковый прямоугольник, и протянула его молодому человеку.

– Вот пульт, – улыбнулась она. – Только утром вернете. Если Аркадий Дмитриевич узнает, мне будет нагоняй ...

– Что вы! – обрадовался подарку Кирилл. – Это наш секрет.

Медсестра коротко кивнула и вышла из палаты. Паустовский нажал зеленую кнопку включения и кинул пульт на кровать. Экран сменил тон с черного на темно сини. Через несколько секунд появилась картинка. Молодой диктор с набриалиненными волосами и с траурным выражением лица что-то говорил. Еще через секунду появился звук.

– ... убийство шокировало общественность. Молодой, талантливый журналист, блоггер, Наталия Шинская известна своими скандальными публикациями о хищениях в системе образования ...

На экране появилась фотография Наты. Она смотрела на Кирилла все теми же веселыми серыми глазами. Мечтательная улыбка блуждала по ее пухловатым губам, а левая рука устало, и в тоже время грациозно, подпирала подбородок. Мышцы Кирилла непроизвольно напряглись. Тело как выпущенная пружина сжалась. Он выпрямился, чуть не опрокинув поднос с едой.

– ... злоупотреблениях в Агентстве Публичной Собственности, монопольных сговорах при установлении цен на энергоресурсы и других журналистских расследованиях, не редко становившихся поводом для ...

Переливающиеся через край противоречивые эмоции парализовали ему слух. Громкости в динамиках телевизора стало недостаточно. Он безрезультатно шарил растерянной рукой в поисках пульта. Его нигде не было. Отвлекившись от картинки, Кирилл бросил взгляд на кровать, и глазами нашарил злосчастный пластиковый прямоугольник. Когда же, наконец, глаза вернулись к телевизору, на экране был немолодой, бородатый мужчина в очках.

– ... Наташа своими острыми, даже жесткими публикациями перешла дорогу не одному десятку, а может и сотне, воров в белых воротничках. У нее было много врагов, и угрозы сыпались на нее, чуть ли не каждый день. Я, как редактор портала и как друг Наташи, обещаю: мы выведем на чистую воду всех, абсолютно всех причастных к ее смерти.

Картинка снова показала щегла диктора.

– Как заявили в полиции, основной версией остается заказное убийство, связанное с профессиональной деятельностью Наталии Шинской. Мы будем следить за ходом расследования и ...

Кирилл откинулся на подушку. Ему стало ... жалко. Жалко себя, и ... и ее. Что-то произошло с ними, а он даже не помнит что. Одновременное чувство ответственности, и в то же время слабости, беспомощности. В реальной жизни такой микст он никогда не испытывал. Бывали сны, ночные кошмары, в которых он на бешеной скорости несется по ночным переулкам незнакомого района, пытаясь найти дорогу. Но к своему ужасу понимает, выход он не найдет никогда. Потому, что он не знает как выглядит нужный ему путь. «Я должен отсюда выбраться, – думает он в панике. – Но куда мне надо?» Обида!? Да, конечно же, обида. Куда без нее родненькой.

Незаметные слезы, весь день душившие его, стали вырваться наружу. Засвербело в горле. Тихий, сухой кашель перешел в всхлипы. Слезам не прикажешь. Материальное воплощение эмоции текло по горящим щекам. Он вытирал их ладонями, на самом деле просто размазывая их по лицу. Нашупав краешек простыни, потянул его, и постарался, вытереть щеки насухо. Но всхлипы становились сильнее. В какой-то момент Кирилл испугался. Его может услышать медсестра. Молодой человек остановил дыхание. Досчитал до десяти и глубоко вздохнул. Стало легче.

Рассеянной рукой он взял с тарелки тостер. Еда всегда помогала ему справляться со стрессом.

– Теперь о новостях спорта, – равнодушный к горю Кирилла, продолжил диктор.

Больной поднес ко рту ломтик жареного хлеба. Руки продолжали трястись. Откусить небольшой кусочек получилось не с первого раза. Гренка радостно хрустнула и аппетитный мякиш вырвался из-под сушеной корочки. Кирилл задумчиво жевал. «Почему это произошло?» Риторический вопрос, крутившийся в его голове целый день, наконец-то приобрел более четкое значение. «Почему это произошло ...?» – мысленно повторил он. Вторая часть вопроса целый день пряталась в пучине сознания, и лишь теперь, смущаясь и стесняясь, всплыла как жаба из мутной тины. «Почему это произошло со мной?». Пытаясь сбить внутреннее смущение и стыд, он снова откусил кусочек тостера. Не помогло. Досада подкатил к горлу и глаза наполнялись слезами. «Нет, – переборол себя молодой человек. – Почему это произошло с ней?».

Кирилл обреченно закрыл глаза. Челюсть механически разжевывала колючий тостер. Образ улыбающейся девушки с хулиганской стрижкой, веселыми, пронизательными глазами и загадочной улыбкой, всплыл в его памяти. Не успев закрепиться, тут же сменился образом лежащее на асфальте у мусорных баков окровавленной жертвы убийства. Кирилл открыл глаза и ошалел.

Образ никуда не исчез. Он был в палате. Прямо перед его лицом висело лицо девушки. Той самой, застреленной утром. Короткие волосы были взъерошены. Глаза пусты. Их обрамляли бездонно черные круги. Губы такого же угольно черного цвета искривились в подобии ухмылки. Челюсть Кирилла перестала жевать и медленно опускалась вниз. Вдруг в воздухе противно зашипело. Понадобилась долгая секунда, чтобы понять, это шипят динамики телевизора. Словно кто-то выдернул кабель сигнала, и экран, потеряв внятное изображение, издавал «белый шум». Он переместил взгляд на экран. На рябом фоне отчетливо читалось одно слово: «НАЙДИ!». Молодой человек осознавал, что этого не может быть. На стене висит современный, цифровой телевизор. Если у таких сигнал и исчезает, экран становится одноцветным. Но нет. Этот телевизор показывал «белый шум» и нелепое слово «НАЙДИ!».

Противное шипение усиливалось, а нависший над Кириллом девушка, образ или привидение, стремительно приближался. Молодой человек встрепенулся и инстинктивно выставил руку вперед, пытаясь оттолкнуть от себя потустороннее существо. В тот самый момент, когда голова приподнялась над ортопедической подушкой, крошки не до конца пережеванного тостера провалились в гортань, наглухо перекрыв возможность дышать. Казалось, руки призрака опустились на его шею и с адской силой сдавливают ее.

Кирилл судорожно закашлял. Согнулся и наклонился лицом вниз. Кулак тщетно бил в грудь. Проклятый хлеб никак не желал освободить доступ к кислороду. Когда в легких резерв воздуха стал заканчиваться, настала паника. Он понял, самому не справится. Звать на помощь невозможно. Проклятые крошки перекрыли и этот путь к спасению. Оставался лишь последний шанс. Кирилл попытался дотянуться до кнопки вызова медсестры. Он сфокусировался на пластине. Весь остальной мир расплылся в мутной пелене. Овальный кусочек пластика был на расстоянии вытянутой руки, но силы дотянуться до него уже не хватало. Тело молодого человека не желало слушать мозг. «Как глупо! – подумал Кирилл. – На этом все? Game over?». Кирилл даже не успел окончательно смириться с неизбежным, со смертью. Мысль, подогретая инстинктом выживания, вернулась к овальной белой кнопке. Он пытался зацепиться за нее, как утопающий обреченно цепляется за соломинку. Мир расплывался, как капля чернила в воде. «Все?!». Это был не вопрос. Это стало утверждением. Последнее что еще мог осознать умирающий мозг кнопка вызова на пластине. Она сама по себе стала опускаться вниз. «Сила мысли?!» – мелькнуло в голове невероятно глупое предположение. Картинка окружающего продолжала стираться, и последнее что увидел Кирилл сквозь густую пелену это спасительный силуэт в белом халате на фоне огромной кнопки вызова персонала.

4.

Хитрые переплетения узоров на письменном столе одновременно завораживали и отталкивали. Проворный пытался глазами проследить за ярко красной линией от края стола до центра, где узоры со всей поверхности сливались в единый узел – родовой герб императора Наполеона. Но проследил он только начало пути. Красная линия, после очередного переплетения с другими линиями изменила цвет, став темно коричневой. Хотя, могло быть, что глаза его обманули. Обман раздражал Константина Васильевича. Не из-за риска для жизни, репутации и тем более имущества. Просто он не мог допустить даже намека на чье-то превосходство.

Мужчина повторил попытку. На этот раз выбрал тонкую, бледно зеленую завитушку и наверняка дошел бы взглядом до герба, если бы путь не преградила кофейная чашечка на блюде. Он чуть было не поддался искушению передвинуть ее, но вовремя остановился. Шеф не любил когда кто-то трогал вещи на его столе. Да и сам стол для него был чем-то типа алтаря, святыни.

Господин Свечинский с гордостью рассказывал о своем «рабочем инструменте». Именно так он называл этот стол собранный старинными мастерами из разных сортов дерева, стоящий на изящно изогнутых ножках, с инкрустированными узорами и покрытый не тускнеющим лаком. Цена этого «рабочего инструмента» интригующе замалчивалась владельцем.

– Как вы думаете, – кокетливо отвечал шеф на вопросы любопытных гостей, – сколько может для настоящего музыканта стоить его инструмент? Для меня это, то же самое. Тем более что на этом столе творил сам Наполеон Бонапарт.

Творил ли Наполеон на этом столе или нет, Проворный точно не знал. Наверняка он знал лишь одно: Сергей Николаевич на этом антиквариате регулярно трахает свою секретаршу – худую высокую безгрудую девульку. Ее предшественница, такая же высокая, худая и безгрудая утратила притягательность в глазах шефа, как только перевалила за двадцать. Теперь «старуха» ведет прогноз погоды на одном из ТВ каналов Сергея Николаевича. И эту пассию, которая сейчас приносила кофе и задирала юбку, через год, а то и раньше сменят на другую. В том, что следующая секретарша будет высокой, худой и безгрудой Проворный не сомневался. Предпочтения шефа наводили Константина Васильевича на очевидную мысль: шеф не сознавшийся пидор педофил. Пока не сознавшийся. Сам себя. Пройдет лет пять-шесть и в его гареме будут лишь смазливые подростки. А то и совсем мальчишки.

«Фу!» – Проворный непроизвольно передернулся от этой мысли. Его конвульсивный рефлекс не остался не замеченным.

– Ты что замерз? – поинтересовался Сергей Николаевич.

– Есть немного, – соврал он равнодушным голосом. – Не обращайтесь внимания.

– Адвокаты вытащили этого как его ...

– Я понял, – поторопил шефа Проворный, – клерка из банка.

– Да. Только скажи, зачем он тебе нужен? Прекрасный кандидат на козла отпущения.

Сидел бы себе и сидел.

– Во-первых, через него прослеживается связь с вашим, – Константин Васильевич запнулся, – нашим холдингом. Его, этого клерка, следует вывести из списка официально подозреваемых, до того как пресса узнает что он сотрудник ПродСельСтройБанка. Во-вторых, мы не знаем, что нарыла журналистка. Она могла ему что-то рассказать. В-третьих, я пока не в курсе компетенции этого клерка. Чтобы лишнего на следствии не сболтнул. Наконец репутация ...

– Кофе хочешь? – перебил его шеф.

– Нет, спасибо, – отказался начальник безопасности.

– Как собираешься действовать?

– Поговорю с парнем. Но до этого нужно последить за ним несколько дней, оценить степень его важности для нас. Параллельно будем вычесывать эту журналистку, – поняв нелепость обозначения планируемых к мертвой девушке мер, Проворный коротко вздохнул и про себя дополнил: «Ныне покойной»

– Слушай, Василич, не начинай, – Сергей Николаевич раздраженно оттолкнул от себя чашку. – В конце концов, я тебе плачу.

– За безопасность, – размеренно, после паузы сказал Проворный. – Проводить мимо меня такие операции не безопасно. Не надо было ее ...

Он чуть не произнес слово «ликвидировать». Это было бы непростительной ошибкой. Константин Васильевич знал, шеф записывает, а может и снимает, все свои разговоры. В случае чего Свечинский, не раздумывая, шантажировал бы его. Или просто подставил.

– Ладно, ладно, – шеф примирительно поднял ладони. – Признаю. Лажанул с этим утырком. Родственничек блин. Кстати, ты с ним все решил?

Проворный многозначительно промолчал. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Перед его взором пролетел силуэт выгнутой спины в технологической яме долгостроя и легкая ветровка, закрывающая лицо убитого. Свечинский, по всей видимости, что-то почувствовал. Слегка прищутив левый глаз, спросил:

– Мучился?

Осторожный Константин Васильевич расценил вопрос как продолжение провокации. Стиснув губы, он отрицательно покачал головой. В слух же сказал:

– Впредь, попросил бы согласовывать со мной подобные мероприятия.

Свечинский выпрямился в своем кожаном кресле, медленно потянулся за чашкой с кофе, отпил и вернул ее на место. Тон разговора его явно раздражал, Проворный это ясно видел. Но, как наемный профессионал, разгребаящий эту кучу чужого дерьма, он имел право на подобный тон общения. Перед ним не просто работодатель. Перед ним клиент, который остро нуждался в опыте и знаниях Проворного, отставного офицера очень специальных служб.

– Насколько все серьезно? – спросил, наконец, шеф.

– Сами судите. Полиция расследует убийство известной журналистки. Скандальной журналистки. Непосредственно перед смертью дамочка занималась нашим холдингом. Главный подозреваемый ведущий специалист финансовой составляющей холдинга – банка. И их встреча не случайна. Я уверен дамочка что-то вынюхивала. Что она успела накопать – не известно. Где материалы – не известно. Кто в курсе ее расследования – не известно.

– И чем, по-твоему, это грозит? – Сергей Николаевич усмехнулся. – Хм! Полицию в счет не бери. Там все схвачено. Второе: кто в курсе дел этой сучки? Я тебе скажу – редакция газетенки. С ними тоже поговорим и, если надо, заткнем. Материалы? Все чушь, никто ничего не докажет. Ни-че-го! Даже до суда не дойдет. Так что расслабься.

– Последние публикации, – Проворный умышленно избегал произносить имена и фамилии. Это стало полезной привычкой еще в самом начале карьеры, – дамочка делала на своем англоязычном блоге. В первую очередь. Затем статьи в переводе выходили здесь. Там, за бугром, только и ждут подобных публикации. Помните историю с закупкой мусоровозов по пративительственной программе?

Свечинский не то чтобы помнил, он, как творец досконально знающий свои творения, лелеял эту придуманную им же схему. Техника покупалась в кредит из бюджетных денег, естественно по «специальной» цене. Деньги проходили через его банк. Все деньги, в том числе и «откатные». Изначально и кредит должен был выдать его банк. Но статья этой сучки – графоманки спутала планы. Внешние, мать их, партнеры начали задавать вопросы. В итоге, кредит взяли у производителя под смешной процент. Свечинскому перепади крохи в виде перечисленных комиссион.

– Если поднимется шум, а он поднимется, – продолжал Проворный, – ветер будет дуть из-за бугра.

Начальник безопасности внимательно наблюдал за шефом, ожидая его реакции. Но ее не последовало. Мужчина, как и раньше, медленно, отпил уже остывший кофе.

– И еще, – сказал Константин Васильевич, – в деле фигурирует некий Порчелян Матвей ...

– Да, – перебил его шеф. – Знаю. Это сотрудник из нашего отделения в Штатах. Хороший парень, я его знаю.

– Родственник? – Проворный не упустил возможность съязвить.

Сергей Николаевич пристально посмотрел на своего подчиненного. Затем нервно стукнул ладонью по подлокотнику кресла и пронзительно пропищал:

– Незаменимых людей у нас нет, Константин Васильевич. Это касается всех. Всех! Вы меня понимаете? И банковских клерков, и сотрудников безопасности. И вы сами знаете, как мы умеем прощаться и прощать. Это касается всех. И родственников, и хороших парней и даже отставных офицеров.

Притворившись, что не выдержал жесткий взгляд шефа, Проворный опустил глаза на раздражительно красивые узоры столешницы. Выждав несколько секунд, он произнес деланным оправдательным тоном:

– На настоящем этапе предлагаю ограничиться сбором данных. Когда поймем степень причастности и угроз, будем, – начальник безопасности поправился, – будете решать, что делать. Разрешите идти?

Свечинский безразлично потрянул ладонью, словно стряхивая надоедливую муху.

5.

Худощавое лицо врача излучало смиренное жизнелюбие. Надвинутые на нос очки хамелеон наполовину прикрывали цепкие карие глаза. Царапая шариковой ручкой в изящном блокноте обтянутой синей кожей, он время от времени исподлобья поглядывал на пациента.

– Вы, друг мой любезный, прямо кладезь везенья. Так и хочется что-нибудь выпросить у вас, на удачу.

Доктор хихикнул. Кинул короткий взгляд на Кирилла, отложил ручку, и, не закрывая тетрадь, оттолкнул ее к краю стола.

– За день пережить свержострую интоксикацию и механическую асфиксию. Ко всему, если не ошибаюсь, вас к нам прямо из тюрьмы привезли?

– ИВС, – уточнил молодой человек. – Вы еще про амнезию забыли.

– Ха, – усмехнулся врач, – смешно. Забыли про амнезию. Главное, чтобы вы о ней помните.

Настала очередь Кирилла усмехнуться. У него это получилось. Грустно. Вспомнился жизнерадостный анекдот: полоса белая, полоса черная и ... жопа.

– А если серьезно, – продолжил доктор, улыбаясь, – ничего катастрофического с вашей памятью не случилось. Не вижу повода для лекарственной терапии. Попробуйте элементарное: создайте себе благоприятную обстановку, нормализуете режим, больше отдыхайте, гуляйте. Со временем все вернется на круги своя. Ну, на крайний случай можете обратиться за консультацией к психологу.

Врач снял очки, положил их перед собой и сложил на столе руки. Вся его поза выражала торопливое ожидание. Кирилл продолжал сидеть. Его усталое лицо ничего не выражало, но внутренне молодой человек боролся с мучавшими сомнениями. Стоит ли сообщать врачу о шутках мозга? Именно так он про себя назвал те странности, которые происходили последние несколько часов, и в которые отказывался верить. Его могли надолго упереть в заведение не сильно отличавшееся от тюрьмы. Но, ни клиника, ни тюрьма не спасут его от собственного воображения.

– Скажите, доктор, – робко начал молодой человек, – мое состояние ... отравление и ...

Молодой человек окончательно запутался в мыслях и словах. Глубоко вздохнув и выдохнув, он на одном дыхании выпалил:

– Я ее вижу. То есть как, не конкретно ее. Но, я знаю, что эта она.

– Кого ее? – участливо спросил врач.

– Ее, – нетерпеливо ответил Кирилл, но, взяв себя в руки, разъяснил. – Девушку, из-за которой я попал к вам. И в полицию. Ее убили ...

– Я знаю, – доктор коротко кивнул, немного подумал и спросил. – Когда вы ее видели?

– Пять минут назад, – поняв нелепость сказанного, Кирилл замолчал.

Врач терпеливо ждал. И это терпение можно было принять за участие. Молодой человек снова вздохнул и заговорил:

– Не знаю, как это объяснить, – больной задумался. – Ну, например, когда шел сюда к вам. Иду по коридору. Прохожу мимо открытой двери, той, что ведет к пожарному выходу. Мельком заглядываю на площадку. Там девушка курит. Делаю шаг, и до меня доходит – она. Лицо, фигура, прическа. Она. Точно. Снова заглядываю. Никого. Вообще никого. А она там была. Точно. Я даже запах табачного дыма почувствовал.

– Хм, – озадачено усмехнулся врач.

– Сегодня утром, – Кирилла было не остановить. – Сижу, извините, на унитазе. Дверь в палату приоткрыта. Тут в проеме мелькает тень. Думаю, медсестра. Закрываю двери, ну ...

короче, выхожу – никого. А запах? Запах ее духов. Потом выясняю, сестра не отходила от поста. И духи у нее другие. За завтраком ...

Он неожиданно замолчал, рассеянно потрогав себя за шею. Казалось, холодные липкие пальцы невидимого призрака до сих пор сжимают его, не давая проход ни пище, ни воздуху.

– Любопытно, – констатировал доктор, выдержав паузу достаточную для того, чтобы понять, пациент больше ничего не скажет. – Это не совсем моя область, но все-таки осмелюсь предположить, на лицо результаты пережитого стресса. Стать свидетелем убийства, это удар по психике впечатлительного человека. Учитывая наркотическое отравление. Тем не менее, повторюсь, причин для беспокойства я не вижу. Давайте понаблюдаем.

«Понаблюдаем ...» – монотонным эхом отозвался голос доктора в голове Кирилла. Двери лифта послушно открылись. Молодой человек вышел в тесное фойе. Справа, ближе к входу, расположилась стойка регистрации. Слева ряд офисных стульев для ожидающих. На одном из них сидел адвокат Настьев, тот самый, кто вытащил его из полиции и привез сюда, в клинику.

– Здравствуйте, Кирилл Иванович! – поздоровался он, сделав несколько шагов навстречу. – Как ваше самочувствие? Выглядите бодро. Молодцом.

– Здравствуйте, – появление адвоката насторожило Кирилла. – Что-то случилось?

– Ну почему сразу случилось? – юрист натянуто улыбнулся. – Просто нам надо поговорить, подготовиться к завтрашнему допросу.

– Допросу? Разве в полиции ...

– Не нервничаєте, Кирилл Иванович, – адвокат перехватил из его рук спортивную сумку с вещами. – Позвольте, я вам помогу.

Растерянный Кирилл позволил ему забрать сумку и послушно последовал за ним на выход.

– Заметно, вы незнакомы с процессуальным кодексом, – продолжил адвокат на улице. – В полиции вас опросили, конечно. Но, теперь необходимо дать официальные показания. Следователю. И от того, что вы скажете под протокол, зависит многое. Например, вы останетесь в статусе свидетеля, или следствие классифицирует вас как подозреваемого.

Мужчина многозначительно замолчал, давая молодому человеку глубже проникнуться своим псевдо безнадёжным положением. Игорь Николаевич сознательно сгущал краски. Накануне, как раз в тот момент, когда Кирилл, лежа в больничной палате, задыхался, тщетно пытаясь освободить от крошек путь в легкие, на столе адвокатской конторы зазвонил телефон. Настьев сразу узнал звонившего. Без долгих прелюдий адвокату объяснили, что и как делать. Настьев спорить не стал. Он никогда не спорил с этими людьми. «Подготовь пацана. Нужна исповедь. Сэкономь нам время, а себе деньги» – сказал рыжеволосый шутивым тоном. Но адвокат не первый раз сталкивался с начальником безопасности Свечинского, и знал, тот никогда не шутит, даже если шутит.

– Сейчас мы поедem ко мне в офис, – продолжал адвокат, открывая дверь темно синего Мерседеса, – и еще раз все проговорим. Кстати, память к вам вернулась?

– Не полностью. То есть, уже все намного лучше ...

– Главное что вы должны помнить, вы никого не убивали, – произнес адвокат, делая ударение на каждую букву. – Ладно. Мы сейчас все это обсудим. Здесь не далеко.

Офис адвокатской бюро занимал небольшой домик в самом центре города. Желающих обосновать свой бизнес именно здесь, в исторической части, было много. Не смущала даже неоправданно высокая арендная плата. С одной и с другой стороны домик подпирали стены соседних строений. Одно казалась из никеля и стекла. Громосский парапет из кованного железа, обрамляющий порог, смотрелся нелепо, вычурно и безвкусно. Но, свою цель, «как ни у кого» он выполнял в полной мере. Что находилось в этом здании, Кирилл так и не понял. Зато второй сосед решил привлечь к своему бизнесу внимание светящейся вывеской «Стоматологический кабинет. Профессор С. Шустерович». «Будь у него фамилия покороче, – поду-

мал Кирилл, – сэкономил бы рекламе кучу денег». На фоне соседей, офис адвоката смотрелся скромно. О том, что за крепкой металлической дверью кто-то есть, сообщала небольшая прямоугольная вывеска «Настьев и партнеры».

В крохотной приемной было пусто. Мужчины прошли мимо узкого стола, по всей вероятности рабочее место секретаря, в квадратную комнату. Это была комната ожидания. В каждой стене Кирилл заметил по одной двери. Из деревянного массива, с вырезанными в ручную узорами, они выглядели, что называется, богато. «Значит, партнеров четыре и они не бедствуют» – констатировал мозг очевидный факт.

– Никого нет, – сказал адвокат, – кто на обеде, кто в суде.

Но и сейчас он соврал. В его кабинете, на кожаном диване у окна, слева от рабочего стола, сидел человек. Он со скучающим видом рассматривал какой-то глянцевый журнал. Мужчины прошли мимо него. Адвокат уселся на свое место, за стол. Кирилл сел напротив. Из любопытства он глянул на незнакомого мужчину, ожидая, что юрист их представит друг другу. Строгий костюм, темный галстук и абсолютно невзрачное лицо. Увидев такое, тут же его забываешь. Единственное что бросилось в глаза это рыжие волосы. Почувствовав внимание, рыжий оторвался от журнала и поднял глаза. Молодой человек успел перевести взгляд на аквариум, стоящий между диваном и стеной, избежав встречи с тяжелым взглядом незнакомца. Огромный дом для рыбок занимал пространства от входной двери до стены. Интимная, синяя подсветка уютно лилась со дна аквариума. В редких и крупных пузырях величественно плавали рыбки. Кирилл насчитал три большие и с полдюжины помельче. В «офисном водоеме» почти не было водорослей и обитатели чувствовали себя привольно. Осознавая свою красоту и значимость, рыбы дефилировали, как модели на подиуме.

– Итак, Кирилл Иванович, приступим сразу к делу, – прервал адвокат созерцание клиента. – Давайте еще раз пройдемся по событиям того вечера. Как можно подробнее.

Покосившись на незнакомца, Кирилл прокашлялся:

– С какого момента?

– С момента знакомства.

Кирилл на секунду задумался. Утраченные воспоминания вернулись, но, тем не менее, они были какими-то мыльными, или точнее скользкими. Молодой человек все время боялся, что они в любой момент могут ускользнуть от него.

– Познакомились мы в супермаркете на Мира. Потом поехали в клуб. Выпивали, отдыхали, общались. Как оказались у меня во дворе не помню.

Кирилл замолчал. Ему показалось, что он выдал достаточный объем информации. Настьев раздраженно настоял:

– Подробнее. Или прикажите из вас клещами каждое слово вытягивать?

Кирилл вздохнул:

– В пятницу, четвертого июня сего года. Мы с моим другом, Матвеем Порчелян, покупали продукты в сетевом магазине «Число». Стоя в очереди в кассу мы познакомились с девушкой, – Кирилл вздохнул. Булькающие звуки разбудили в нем жажду. – Простите, можно мне водички?

Адвокат достал из стола пластиковую бутылку с газированной водой и протянул Кириллу. Молодой человек жадно выпил чуть больше половины, и, не закручивая пробку, поставил бутылку на стол.

– Спасибо, – поблагодарил он Настьева. – Вечером того же дня мы втроем поехали в клуб. «Тесла» – если это важно. На Золотой, пересечение с Шмита.

Кирилл пересказывал события того вечера. Детали, казавшиеся забытыми, одни за другими всплывали в памяти, выстраиваясь в причинно следственную череду. Дойдя до момента, когда Матвей нагрубил официантке, и Кириллу стало за него стыдно, он замолк.

– Ну, мы выпили, – молодой человек замолчал. – Матвей немного разошелся. Я его защищал. Мне просто было неловко перед девушкой. В смысле Наташей.

– Скажите, это она дала вам наркотик?

Кирилл ясно увидел перед глазами узкую девичью ладонь и горсть желтых таблеток. Кирилл запнулся.

– Предполагаете, – пришел на помощь адвокат, – это и был бензодиазепин?

Кирилл пожал плечами.

– А господин Порчелян? У него, насколько мне известно, нет осложнений. Я имею ввиду амнезию.

Молодой человек снова пожал плечами. События последних дней выбили его из колеи. У него просто физически не было возможности пообщаться с Матвеем.

– Учитывая репутацию госпожи Шинской, – продолжал адвокат, – скандально известной журналистке с весьма сомнительной репутацией. Она ради сенсации готова на все. Была. Не удивлюсь, если выяснится, что вся эта история сплошная провокация.

Настьев возмущенно надул щеки. Усы его встали торчком, а глаза округлились. Он стал похож на хомяка. При других обстоятельствах его вид рассмешил бы собеседников. Наконец он громко выдохнул и приторно заулыбался.

– Госпожа Шинская была у вас дома? Ну, дело молодое. Вы меня понимаете?

– Вы намекаете, если у нас с ней ... – Кирилл подбирал слово, – что-то было? Я не помню. Я даже не уверен, что она была в моей квартире. Я ведь и дома-то не был. Полиция, затем клиника. Потом вы.

– Понимаю, – кивнул адвокат, косясь на незнакомца с журналом. – А о чем вы говорили?

– О чем? Хм. Обо всем и не о чем. О чем люди могут говорить в клубе? – ответил Кирилл, и тут же в его сознании всплыло лицо Наташи, ее грустные и одновременно озорные глаза, ямочки на щеках, короткие волосы. Если бы все сложилось по другому, он бы ... Если.

– Хорошо, уточню, – кивнул юрист. – Вы говорили с госпожой Шинской о работе?

– О работе? – переспросил Кирилл. – Ну, она, кажется, работает в каком-то интернет журнале. А я рассказал, что работаю в банке. Все.

Господин на диване деликатно кашлянул. Кирилл и не заметил, как он подал адвокату знак.

– Кирилл Иванович, подождите пару минут. Я сейчас вернусь, – Настьев встал из-за стола и прошел к выходу. Рыжий незнакомец ждал его у двери.

Молодой человек провел их недоуменным взглядом. Странно, но на долю секунды ему показалось, что он знает этого рыжего господина. Где-то они пересекались, но сейчас было трудно вспомнить. Почти больно. Временная амнезия оставило шрам в личности Кирилла. Теперь каждый раз, когда он что-то не сможет вспомнить, важное или не важное, какую-то мелочь или более значительное событие, ему будет одинаково больно. Даже думать об этом уже было больно.

Он встал, прошелся по кабинету. На массивных полках за креслом адвоката пылились аккуратно сложенные книги. Кирилл прошел к ним. Прочитал несколько названия на корешках. В основном библиотека состояла из всевозможных кодексов, сборников, справочников. Встречались словари и книги по истории права. Молодой человек очень скоро потерял к ним всякий интерес. Он вернулся к столу. Допил воду из пластиковой бутылки. На другой стороне кабинета, рыбы, в синей подсветке, продолжали величественно лавировать между пузырями.

«Интересно, – подумал Кирилл, направляясь к аквариуму, – сколько посетителей ежедневно беспокоят несчастных рыбок постукиванием в стеклянную стенку? Представляю, какими словами ругались бы они на людей. Матерящиеся рыбы!» Немного поколебавшись, молодой человек согнул указательный палец и поднес его к стеклу аквариума. Но тут неоновая подсветка замигала, и из тени в воде появилась рука с таким же согнутым указательным

пальцем. Сначала Кириллу показалось, это отражение его собственной кисти. Но, это было не так. Палец из аквариума три раза стукнул о стекло. Глухой звук удара колоколом прозвучал в пустом кабинете. От неожиданности Кирилл отпрыгнул. Сделав шаг назад, он наткнулся на подлокотник дивана. Молодой человек судорожно искал объяснения происходящему. Его воспаленное воображение ярко, в красках нарисовала ему картину окружающее действительно-сти. Это он находился в аквариуме, отделенный от всего мира прозрачным куполом. Остальные обитатели с детства убеждали друг друга, что замкнутый стеклянным горизонтом водоем и есть весь мир. Настоящий, огромный мир. Сейчас, увидев постукивающий о купол палец, он понял, его обманывали. Он сам себя обманывал. На самом деле реальность иная. На мгновение ему показалось, что он даже начал понимать какая она на самом деле. Начал постигать ее простоту. Но, привычная для человеческого существа иллюзорность окружающего, ужасом всплыла на поверхность восприятия. Как вырвавшаяся из аварийной скважины нефть на дне Мексиканского залива, всплыла на поверхность океана и залила чернотой прозрачную гладь.

Тем временем из мерцающего в аквариуме света, появилось человеческое лицо. Кирилл не видел, кому оно принадлежит. К обратной стороне стекла приблизились яркие накрашенные в алый женские губы, свернулись в очаровательную трубочку и выдохнули струю легкого пара. Нарушая все привычные для этого мира законы физики, пар не поднялся пузырьками вверх, а аккуратно и равномерно лег на поверхность стекла. Молодой человек не верил своим глазам. Происходящее буквально сковало его по рукам и ногам. Он не мог пошевелиться.

Указательный палец, постучавший несколько секунд назад изнутри аквариума, выпрямился. Он прикоснулся к поверхности стекла, там, где лег пар от дыхания алых губ. В следующие несколько секунд палец вывел на стеклянной стене того и этого мира пять букв: «НАЙДИ!». В тот момент, когда на половину появилась последняя линия последнего восклицательного знака, дверь кабинета с шумом распахнулась. От неожиданности Кирилл вздрогнул, взглянув на вошедшего в кабинет адвоката. Тут же его взгляд вернулся на прозрачное стекло аквариума. Там ничего не было.

– Что с вами? – поинтересовался Настьев. – Приведение увидели?

– Что? – растерянно переспросил Кирилл.

– Вам плохо?

Кирилл смотрел на него не понимающими глазами.

– Окай, – вздохнул адвокат, – еще пара моментов и вам можно будет ехать домой. Присядьте к столу, на ваше старое место.

Как только Кирилл оказался у стола, в кабинет вошел рыжеволосый мужчина. Он беззвучно прошел к дивану и плавно опустился на него.

– Итак, вернемся к Шинской, – начал Настьев, поудобнее усаживаясь в кресло. – Помните, это очень важно, она интересовалась вашей работой в ПродСельСтройБанке.

Кирилл никак не мог прийти в себя после пережитого у аквариума. Он то и дело озирался на высокомерно парящих в воде рыбок.

– Нет, – ответил он рассеянно. – Насколько я помню, нет. Один раз, она спросила, чем я занимаюсь и все. Это еще когда мы ехали из супермаркета.

– А потом? Ну, после того как она «угостила» вас таблетками.

Кирилл пожал плечами:

– Нет, вроде. Я плохо помню.

– Кстати. Все-таки у вас не создалось впечатление, что госпожа Шинская преднамеренно, так сказать, опоила вас? Именно для того чтобы выведать информацию.

Кирилл снова пожал плечами. Он настолько был поглощен своими мыслями, что не заметил, как Настьев вопросительно посмотрел на рыжего незнакомца. Тот коротко покачал головой.

– Ладно, – сказал адвокат. – Последний вопрос, Шинская не забывала у вас каких либо вещей? При осмотре трупа, не нашли ни телефона, ни диктофона, ни других журналистских штучек.

– Нет, – ответил молодой человек. – Может дома. Меня там не было после ...

Ему не хватило духу произнести слово: «ареста».

– Я посмотрю в квартире, – продолжил он после короткой паузы. – Если что, позвоню.

– Ага, – согласился адвокат, хотя прекрасно знал, что и полиция и люди Проворного побывали в квартире Паустовского. Впрочем, как и у журналистки. – Можете идти.

Кирилл встал и не спеша пошел к дверям. Напоследок, он взглянул на подсвеченный аквариум. Рыбки по-прежнему грациозно висели в пространстве своего мирка.

– Что сказать? Вы сами все слышали. Он не при делах, – разочарованно обратился Настьев к рыжему мужчине, как только закрылась дверь за спиной Кирилла.

– Не будем спешить, – ответил ему Проворный, закрывая глянцевого журнала. – У ментов, что на него есть?

– По чесноку – ничего. По беспределу – главный подозреваемый, – ответил адвокат, откидываясь на спинку кресла.

– Шум большой? – задал он вопрос, на который и так знал ответ.

– У! До самого верху, – Настьев ткнул пальцем в потолок. – Девка была известная. И здесь и там, за бугром. Да и папаша ее тоже не из простых. Спустить на глухаря не выйдет.

– Еще кандидаты на козлика отпущения есть?

– Не знаю. Завтра со следаком встречаюсь. Свой парень, из наших.

Проворный задумчиво кивнул. Не поняв значение жеста, адвокат спросил.

– Так что? Этого сажаем? Кирилла Ивановича, – он произнес имя и отчество своего клиента с такой брезгливостью, что в воздухе, казалось, запахло нестиранными носками.

– Не спеши. Кандидатура не совсем подходящая. Все-таки он из банка Свечки. Нехорошая связь.

– Понимаю, – согласился адвокат, – но ментам надо дело закрыть.

– Я же говорю, не спеши, – терпеливо, как школьнику, повторил Проворный. – Компьютер девицы изъяли?

– Да, – сказал Настьев, сложив руки в замок на затылке, – и домашний, и рабочий. Сейчас попытаются получить доступ на облако с файлами.

– Облако?

– Ну да. Молодежь теперь хранит свои данные на различных серверах с, как его, удаленным доступом. Под паролем. Спецы говорят пару дней и откроют.

– Тухляк, – немного подумав, констатировал рыжий.

– Согласен, ничего там нет. Один из коллег этой журналистки, говорил, будто у нее был еще один то ли планшет, то ли компьютер. Из таких, сборно-разборных. Знаешь? Ну не важно. Ищут. Дали запрос сотовым операторам. Полный биллинг.

Проворный кивнул. Он еще накануне связался со своими коллегами из компании мобильной связи, принадлежащей Свечинскому, с такой же просьбой. Через пару часов он уже отправит своих людей на все непроверенные адреса. Но адвокату знать об этом не обязательно.

– Держи меня в курсе, – сказал он вслух. – И второго тоже не выпускайте из поля зрения. Программиста этого, как, Порчеляна. Матвея.

– Так он же вообще не при делах. Есть свидетели, да и камеры, он остался в клубе, когда эти двое, журналистка и менеджер ушли. Это сто процентов. Он до утра там бухал.

– Я знаю, – терпеливо произнес рыжий. – Но подписочку возьмите. Пусть под рукой будет, на всякий случай.

6.

На выходе из адвокатского офиса летний ветерок окатил Кирилла свежестью. Поток воздуха обдал лицо приятным теплом. Его не покидало чувство беспокойства. Что-то непонятное и в то же время гнетущее придавливало его огромной скалой. Молодой человек хотел верить, что причина в галлюцинации у аквариума. Но это было не так. Присутствовало что-то еще.

Оглядевшись, собравшись мыслями, молодой человек твердо решил вернуться в клинику. Его психика явно не в порядке. Сейчас он был уверен, галлюцинации сами по себе не пройдут. Их надо лечить. Подбадриваемый разумностью решения, он зашагал по тротуару в сторону троллейбусной остановки. В руках он держал сумку с вещами. Матвей привез их в клинику, как только узнал, что Кирилла выпустили из полиции.

До остановки он добрался через несколько минут бодрого шага. Навес из металлического каркаса, увешанный прозрачным гофропластиком никак не вписывался в улицу с постройками позапрошлого века. Кирилл, как и другие горожане, привыкли к контрадикторной картине, усугубленной рисунками и разрушениями городских вандалов. Не обращая внимание на изуродованный пластик, молодой человек зашел в пустую конструкцию и кинул сумку на одну из уцелевших скамей. Сам сел рядом. «Это определенно наркотики. Еще не вымылись из организма, – думал Кирилл, обхватывая ладонями голову. – Черт бы их побрал. А что если торчки правы? Дурь действительно имеет накопительный эффект, и реально остается в косном мозге навсегда? Бред. Надо еще раз прокапаться, и глюки исчезнут. А сколько это будет стоить? Клиника не из дешевых».

– Не ходи больше к врачам, сладкий. Будет хуже, – услышал он прокуренный женский голос.

Кирилл вздрогнул. Выдернул голову из ладоней, он растерянно огляделся. Совсем рядом на скамье, под крышей павильона остановки сидела женщина. Она задумчиво смотрела на дорогу. Утонув в своих мыслях и сомнениях, молодой человек не слышал, как она подошла. Женщина выглядела более чем подозрительно. Это была цыганка. Опасаясь за вещи, Кирилл придвинул сумку к себе и огляделся. На улице, кроме них двоих, не было никого. Ни прохожих, ни ожидающих на остановке. Не было даже проезжающих мимо машин. Никого. Для центра города это было необычно.

Преодолев смущение, Кирилл оглядел незнакомку. На немолодой женщине висел темно синий плащ, из-под которого выглядывала длинная и широкая юбка. Темные волосы были наспех собраны на затылке. Смуглую кожу покрывали морщинки. Пока их было не много, и они были не глубокими, еле заметными. Через пару лет, почему-то решил Кирилл, женщину можно будет назвать старухой. Обута она была в тканевые туфли, сильно напоминающие тапочки. В целом вид у нее был неопрятный. Поэтому Кирилл сильно не удивился, когда от женщины пахло крепким спиртным.

– Хотя, сладенький, – не глядя на собеседника, заговорила женщина, – по любому будет хуже. Не буду я тебя обманывать.

Кирилл деликатно промолчал. Сейчас ему не хотелось ни с кем разговаривать. Да и цыган он с детства не то чтобы боялся, просто опасался.

– Имя твое на букву «К», – продолжала цыганка. – И еще буквы «П», «Л», «В» есть. Правда?

Кирилл демонстративно отвернулся от нее, давая понять, что не желает больше ничего слышать.

– Ты хороший человек, – настаивала незнакомка, – добрый. Многие пользуются твоей мягкостью. Жена у тебя есть?

Молчание. «Быстрее бы приехал троллейбус» – думал Кирилл.

– Нет, – ответила за него женщина. – Послушай меня, не бойся. Плохого не сделаю. Да и денег мне от тебя не надо. Дашь копеечку, я и рада, не дашь – и не надо. Вижу, с большими людьми дружишь. Важными. Да и сам ты тоже ...

Кирилл непроизвольно взглянул в сторону адвокатского офиса. Быстрее всего женщина проследила, откуда он вышел, и пробует его «развести».

– Только ты не такой как они. Еще у тебя голова болит. Давно болит.

«Может она от клиники следит? – подумал Кирилл. – Да где же этот троллейбус?!»

– Родителей сильно любил. Вижу, – говорила женщина. – Рано ушли. Забрал их боженька.

Кирилл замер. Дыханье остановилось. Сердце выдавало сто двадцать ударов в минуту. И каждый из этих ударов кувалдой бил по больной голове. Цыганка не ошиблась. Родители действительно «ушли» когда ему было семь лет. В тот год Кирилл пошел в первый класс. Он хорошо помнил, как бабушка забирала его школы, и они вместе обивали пороги местного управления полиции. В детском сознании крепко закрепился образ немолодого, полноватого мужчины в форме. Сначала он пускал их в свой кабинет. Милиционер подолгу разговаривал с бабушкой. Детский ум не совсем понимал, о чем они говорят. Кириллу же бабушка говорила, дядя милиционер ищет его маму и папу. «Скоро он их найдет, и все будет хорошо, – говорила каждый раз бабушка, выходя из здания». Но «скоро» не наступало. Слова бабушки с каждым разом звучали все грустнее и грустнее. А дядя милиционер перестал их пускать в кабинет. Они подолгу ждали в коридоре, и когда он, наконец, выходил, угрюмо повторял: «Ищем. Будут результаты – позвоним». Но он так и не позвонил.

Его воспитывала бабушка. Проработав всю жизнь в школе учителем, она часто шутила: «Я из тебя, Кирюша, врача сделаю. Десять лет школы, затем мед. институт, резидентура, интернатура. Итого двадцать два года. Значит двадцать два года мне нельзя болеть, и тем более умирать» Врач из Кирилла не вышел. За то получился финансист. На втором курсе университета бабушка умерла. Прямо на школьном уроке. Кириллу стоило немало усилий пережить кончину единственного близкого человека. Еще больше усилия стоило закончить универ. С отличием. Диплом финансиста он получил, будучи полным сиротой. В большую жизнь Кирилл Паустовский пробивался сам, начав карьеру с обычного оператора валютной кассы.

А родители? Маму с папой так и не нашли. На заре постсоветского капитализма, в период первичного накопления капитала они, как и миллионы других сограждан, подались в бизнес. Лаки и краски. Тем летом, когда Кирилл готовился стать школьником, мама и папа, на старом «жигуленке», поехали за товаром, куда-то на границу с Польшей. Бабушка мало об этом рассказывала, наверно потому, что сама толком ничего не знала. Дальше были только предположения. Рэкетеры, разбойники, мошенники? Менты? По дороге, или уже на границе? Может на обратном пути? Кто знает? Даже если бы их искали, вряд ли бы нашли. Такие времена. Кирилл часто думал о них. Как бы все могло сложиться, если бы родители были живы? «Жизнь не надо воспринимать как череду причин и следствий, – говорила ему бабушка, когда тоска совсем изжевывала юного Кирюшку. – Ее надо воспринимать как, отдельное, конкретное мгновение. И жить им»

– Хочешь, я погадаю на них? – вернул его под навес остановки прокуренный голос цыганки.

– Не хочу, – ответил Кирилл, и тут же пожалел, что все-таки заговорил с этой женщиной.

– Они были тоже хорошие люди, – продолжала незнакомка, и закашляла скрипучим кашлем заядлого курильщика. – Да не бойся, не кусаюсь я.

Молодой человек упрямо молчал. А что он мог сказать? Тем более, он действительно ее побаивался.

– Женщины были. Одна старая, вторая молодая, – после недолгой паузы продолжила гадалка. – Они тоже ушли?

– Да, – поддавшись странному импульсу, ответил он.

В его воображение один за другим всплыли два образа. Первый образ – немолодая женщина с ласковым взглядом, стоящая у школьной доски. В одной руке она держит очки, во второй раскрытую ученическую тетрадь. Кирилл знал, это его тетрадь для контрольных работ. Именно такой и запомнилась бабушка, воспитавшая его, давшая шанс. Тот раз был единственный, когда он завалил контрольную. Бабушка его не ругала, она вообще его никогда не ругала. Она долго смотрела на него и наконец, сказала: «Жизнь редко дает возможность что-либо исправить. Не загоняй себя в угол».

Второй образ пронесшейся как комета в сознании Кирилла – улыбающейся лицо с грустными серыми глазами. Милые ямочки на щеках показались молодому человеку до боли близкими и родными. Хотя были они знакомы несколько часов. Эта мысль разозлила Кирилла:

– А почему ты спрашиваешь? Ты же гадалка, сама знаешь, что да как.

Вялая попытка вывести мошенницу на чистую воду и исправить положение, привела к обратному результату. Вместо ответа она усмехнулась:

– Дай копеечку! Я же тебя не обманула. Сладенький, копеечка не мне нужна. Они просят.

Кирилл раздраженно повернулся к женщине спиной.

– Ай, ай! – возмутилась гадалка. – Скупой ты, – она снова закашляла. – Сказать, зачем им копеечка?

Кирилл равнодушно пожал плечами. Похоже, самообладание вернулось.

– Не отпускаешь ты их, – продолжила цыганка. – Держишь здесь, рядом с собой. Та, что постарше вину чувствует. Перед тобой. Ты ее не суди, не надо. Дала она тебе больше чем ты ей смог вернуть.

Сердце Кирилла сжалось. Ком сожаления, обиды и необъяснимой вины из груди подкатил прямо к горлу. Ведь молодой человек так редко говорил бабушке как она ему нужна и ... и как сильно он ее любит. Нет. Любил. Ошибку ему уже никогда не исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.